

18. Hahn P. L. The United State, Great Britain and Egypt, 1945–1956: Strategy and Diplomacy in the early Gold War. The Univ. of North Carolina Press, 1991.
19. Hurewitz J. C. Soviet-American Rivalry in the Middle East. N.Y., Wash., L., 1971.
20. Gaddis J. L. The Gold War. A New History. Boston, 2007.
21. Kolko J., Kolko G. The Limits of Power: The World and the United States Foreign Policy. 1945–1954. N. Y., 1972.
22. Kuniholm B. R. American Oil Interests in the Near East // The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton, 1980. P. 178–192.
23. Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. Ithaca, N.Y., 1962.
24. McGhee G. C. The US- urkish-NATO Middle East Connection: How the Truman Doctrine Contained the Soviets in the Middle East. N.Y., 1990.
25. Seale P. The Struggle for Syria. A Study of Post-War Arab Politics, 1945–1958. L., 1987.
26. Speiser E. A. Middle East Dilemmas: the background of United States policy. N. Y., 1973.
27. Vaughan J. R. The Failure of American and British propaganda in the Arab Middle East, 1945–1957. N. Y., 2005.

Н. М. Галиакбарова,
доцент УрФУ, г. Екатеринбург

Германо-турецкий договор о ненападении 18 июня 1941 г. в работах турецких историков

В истории международных отношений нередко возникал вопрос о моральной оценке ряда заключенных странами соглашений и договоров. Одним из таких соглашений стал Договор о дружбе и ненападении, подписанный Германией и Турцией 18 июня 1941 г. Советские историки однозначно осуждали этот пакт, расценивая его как поддержку фашистской Германии накануне ее вторжения в СССР [1, 27; 2, 204; 3, 183]. Однако академический и практический интерес представляет изучение и турецкой историографии вопроса.

Весной 1941 г. Турция оказалась окружена силами «оси Берлин — Рим» практически со всех сторон: в марте к «оси» присоединилась Болгария, в апреле Германия оккупировала Югославию и Грецию, Сирия оказалась под властью вишистской Франции, в Ираке после военного переворота власть захватили прогерманские политические силы. Кроме того, немцы оккупировали все греческие острова в Эгейском море, контролирующие вход в Проливы. В этих условиях в Анкаре укреплялась убежденность в том, что Великобритания, с которой Турция 19 октября 1939 г. заключила Договор о взаимопомощи, не сможет устоять перед военной мощью Германии.

Турецкие историки отмечают, что переговорный процесс между Германией и Турцией фактически начался 28 февраля 1941 г., когда Гитлер направил президенту Турции И. Иненю письмо, в котором заявлял, что германская операция в Болгарии не направлена против Турции, и что он отдал немецким войскам приказ не переходить через турецкую границу [5, 137; 6, 365–366]. Турецкое правительство в своем ответе выразило желание сохранять свой нейтралитет и в дальнейшем и заявило, что Турция полна решимости сопротивляться любому нападению на ее территорию [4, 139; 13, 97].

В апреле, когда уже шли военные действия на Балканах, Германия усилила нажим на Турцию: Берлин уже не устраивало положение Турции вне войны, он требовал разрыва отношений с союзниками и перехода на сторону Германии. Турецкое правительство, не отвергая, но и не принимая требований держав «оси», пыталось выиграть время путем проведения переговоров [9, 556].

В середине мая Германия возобновила переговоры с Турцией о заключении договора. Турецкие историки отмечают, что Анкара согласилась на переговоры, т. к. в условиях установления немецкого господства на Балканах страна нуждалась в защите или, по образному выражению И. Сойсала, в том, чтобы «вздохнуть с облегчением» [11, 637; 5, 141]. С. Дерингиль описывает процесс обсуждения содержания будущего германо-турецкого договора, который шел между Риббентропом и немецким послом в Турции Францем фон Папенном. Министр иностранных дел хотел, чтобы Турция предоставила право транзита через свою территорию немецких войск и военного оборудования [5, 141]. Дж. Кочак подчеркивает важность для Германии вопроса о транзите немецких военных сил через Турцию в Ирак,

что было необходимо для поддержки режима аль-Гайлани [9, 559, 568–569]. В обмен на это Риббентроп предлагал изменить турецко-болгарскую границу в пользу Турции, а также передать ей один из островов в Эгейском море. Папен пытался смягчить жесткую линию Риббентропа и убедить его в том, что договор обеспечит «психологическую эволюцию» Турции в сторону Германии [5, 141; 9, 584].

Анкара делала все возможное, чтобы затянуть переговоры с Берлином, надеясь на завершение войны в Ираке. Эта политика принесла результаты: 31 мая 1941 г. английские войска взяли Багдад и свергли режим аль-Гайлани, который вместе с семьей бежал через Иран в Турцию, а оттуда при помощи немецких агентов в декабре 1941 г. был перевезен в Берлин [9, 571, 573]. После окончания войны в Ираке вопрос о транзите через турецкую территорию был снят с повестки дня, так же как и территориальные предложения Германии, поэтому Риббентроп дал указание Папену сосредоточить усилия на подписании политического соглашения с Турцией [5, 577].

Турецкие авторы характеризуют дальнейший ход переговоров как сложный процесс, в ходе которого турецкая сторона заявляла о своем дружественном отношении к Германии и делала намеки на то, что в ходе вероятной советско-германской войны займет в отношении Германии позицию благоприятного нейтралитета, но одновременно пыталась обезопасить себя от нападения Германии и сохранить союз с Англией. В свою очередь главная цель немецкой внешней политики заключалась в том, чтобы вынудить турок разорвать этот союз и привлечь их на свою сторону [9, 579–583]. Но в итоге Берлину пришлось согласиться на то, что Турция останется вне войны, а ее прежние договорные обязательства останутся в силе [9, 587]. Согласно подписанному в итоге 18 июня 1941 г. договору, стороны обязались уважать территориальную целостность друг друга и избегать каких-либо действий, прямо или косвенно направленных друг против друга [11, 638].

Обосновывая подписание германо-турецкого договора 18 июня 1941 г., ряд турецких историков пишет, что если бы Турция не заключила договор с Германией и вступила бы в войну против нее, она бы испытала большие трудности в столкновениях с немецкой армией, которая еще не была истощена, и, возможно, потерпела бы поражение, и путь в Ирак, Сирию и Индию был бы открыт для немцев [8, 213; 10, 164]. Однако Дж. Кочак отмечает, что подобную аргументацию

можно опровергнуть, исходя из того, что еще до подписания германо-турецкого договора Гитлер разрабатывал планы продвижения на Ближний Восток из Северной Африки через Египет и с Кавказа через Советский Союз и Иран. Если бы эти планы удалось реализовать, то Турция оказалась бы окруженной со всех сторон. Таким образом, будущее Турции на самом деле зависело не от договора с Германией, а от результата военных действий и особенно от исхода советско-германской войны [9, 597].

М. Тамкоч расценивает заключение Турцией договора о дружбе и ненападении с Германией как успех президента Иненю, т. к. договор содержал оговорку о том, что он не повлияет на уже существующие обязательства сторон: таким образом, сохранялись в силе соглашения 1925 г. с Советским Союзом и пакт 1939 г. с Великобританией [12, 205]. Однако Дж. Кочак считает положение договора о сохранении в силе прежних обязательств Турции достижением английской дипломатии. Кроме того, он отмечает, что договор был успехом для Германии, которого она добилась благодаря своей военной и политической мощи: последний союзник Англии в Европе — Турция — подписала соглашение с Германией, и это стало значительной потерей для Лондона [9, 595–596]. Кочак отмечает еще одно преимущество договора для Турции: она получила большую свободу действий в отношениях с воюющими сторонами. Поскольку после начала войны между Германией и СССР Турция уже не смогла бы использовать «советскую оговорку», ссылаясь на которую, она ранее обосновывала свой отказ вступать в войну, ей нужен был новый аргумент для обоснования своего нежелания воевать, и таким аргументом мог стать договор о нейтралитете с Германией [9, 580].

В работах турецких историков отмечается и роль «советского фактора», который немцы использовали, чтобы оказать давление на Анкару. В связи с этим М. Тамкоч пишет, что в результате подписания турецко-германского договора были устранены опасения Иненю, связанные с советскими притязаниями на турецкую территорию и с вероятной совместной советско-германской операцией против Турции [12, 206]. Действительно, Гитлер сообщал турецкому послу о сохраняющихся советских притязаниях в районе проливов, чтобы поддержать опасения, которые испытывала Турция по отношению к Советскому Союзу и, таким образом, отдалить ее от СССР, поскольку Германии

была необходима по крайней мере нейтральная позиция Турции во время войны, которую в Берлине планировали вскоре начать против СССР [10, 161]. В беседах с турецкими представителями немцы неоднократно упоминали об империалистических устремлениях СССР [13, 102–104].

Затем Берлин прибегнул к иной тактике: Папен намекнул, что Германия и СССР могут заключить союз «за спиной ряда стран, в том числе и Турции» [6, 368; 13, 106]. Англичане, с которыми турки поделились этой информацией, призвали их провести обмен мнениями с советскими представителями, чтобы выяснить, ведут ли немцы на самом деле переговоры с ними или это лишь элемент психологической атаки Берлина [13, 111]. Однако министр иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу 6 июня заявил, что переговоры с немцами еще не приобрели такого характера, который вынуждал бы сообщить о них Москве [13, 119]. К. Гюрюн осуждает предпринятую англичанами инициативу по улучшению англо-советских отношений, поскольку эта бесполезная, по его оценке, инициатива, при помощи которой англичане хотели предотвратить сближение Турции с Германией, втянула бы Турцию в войну, т. к. Советы немедленно бы сообщили о ней немцам [6, 369]. Следует отметить, что опыт предыдущих контактов с Москвой действительно показывал туркам, что обращаться за помощью к Сталину не имело смысла, и максимум, на что могла рассчитывать Турция в отношениях с СССР — это нейтральная позиция в случае нападения на нее какой-либо страны, что было зафиксировано в виде обмена декларациями 25 марта 1941 г.

По мнению советских историков, не поставив Советский Союз в известность о германо-турецких переговорах, турецкое правительство нарушило свои договорные обязательства (протокол 1929 г.) [3, 184]. Но К. Гюрюн объясняет это тем, что Германии не было в числе стран, о своих политических переговорах с которыми Турция была обязана сообщать Москве [7, 238]. Действительно, в приложении к данному протоколу были перечислены соседние с Советским Союзом и Турцией страны, и Германия в число стран, граничащих с СССР или Турцией, не была включена. Принимая это во внимание, следует признать, что с формальной точки зрения Турция не нарушила свои обязательства по отношению к Советскому Союзу.

При этом турецкая сторона информировала английского посла о сути переговоров между Сараджоглу и послом Германии Папенем. Турки пытались убедить англичан, что заключение германо-турецкого договора является вынужденной мерой, направленной на защиту от опасности страны, «оставшейся в полном одиночестве с географической и стратегической точек зрения» [5, 141–142; 12, 205]. Хотя, по утверждению Э. Карала, «достойную и честную политику Турции одобрила и Англия» [8, 213], более обоснованной представляется точка зрения Дж. Кочака, согласно которой Англии пришлось согласиться с положением Турции вне войны, т. к. у нее уже не осталось сил, чтобы оказать давление на Анкару [9, 561]. Ф. Армаоглу критикует отрицательную реакцию Англии и США на подписание германо-турецкого договора, отмечая, что они не могли требовать от Турции в одиночку сопротивляться Германии после того, как сами ничего не смогли сделать с экспансией немцев на Балканах. Кроме того, Армаоглу подчеркивает, что Турция оказала союзникам большую услугу, когда не разрешила немцам транспортировать через свою территорию военную помощь режиму аль-Гайлани в Ираке, обеспечив таким образом защиту Ближнего Востока с его нефтяными месторождениями, а также безопасность южного фланга Советского Союза [4, 410].

Помимо внешнеполитических причин Дж. Кочак указывает и на другие факторы, повлиявшие на заключение договора. Турецкие деловые круги выражали недовольство проблемами в торгово-экономических отношениях с Германией, возникшими после ухудшения политических отношений с Берлином, которое последовало за заключением англо-франко-турецкого договора. Кроме того, военные успехи Германии привели к усилению прогерманских настроений, особенно среди военных, которых связывали с немцами воспоминания о «боевом братстве» во время Первой мировой войны [9, 585–586].

В Турции считали, что подписание германо-турецкого пакта означало, что Германия по крайней мере на время отложила нападение на Турцию, а выигранное время было необходимо использовать для укрепления собственной безопасности Турции и возможности оказания помощи ее союзникам [10, 164]. Следует отметить, что такая оценка созвучна той, которую при Сталине давали советско-германскому пакту о ненападении. Турецкие историки подчеркивают, что с подписанием договора турецкое правительство не сменило полностью свою ориентацию в пользу Германии. Дерингиль приводит

свидетельства того, как в соответствии с требованиями обстановки представители Турции говорили англичанам, что их договор с Германией не имеет никакой силы, а немцам говорили то же самое, но в отношении англо-турецкого пакта [5, 145]. По мнению Кочака, договор соответствовал цели турецкой внешней политики — используя в своей политике балансирования воюющие стороны друг против друга, избежать вступления в войну. Эта политика негласно была одобрена и противоборствующими сторонами, которые опасались того, что из-за чрезмерного давления на Турцию она перейдет в противоположный лагерь [9, 561].

Таким образом, в работах турецких историков договор о ненападении с Германией расценивается как соответствующий интересам Турции. При этом для авторов, работавших еще в период «холодной войны», характерна всецело одобрительная оценка этого договора, а современные исследователи подходят к проблеме более взвешенно, с учетом многих факторов, влиявших на формирование турецкой внешней политики и развитие международной обстановки.

Список источников и литературы

1. Лавров Н. М. Турция в 1918–1956 годах. М., 1956.
2. Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М., 1948.
3. Новейшая история Турции. М. : Наука, 1968.
4. Armaoğlu F. 20. Yüzyıl Siyasi Tarihi. 1914–1945. İstanbul: Alkım Yayınevi, 1997.
5. Deringil S. Denge Oyunu. İkinci Dünya Savaşı'nda Türkiye'nin Dış Politikası. İstanbul: Türk Vakfı Yurt Yayınları, 2003. 286 s.
6. Gürün K. Savaşın Dünya ve Türkiye. C. 3: Savaş 1939–1945. İstanbul, 2000.
7. Gürün K. Türk-Sovyet İlişkileri (1920–1953). Ankara, 1991.
8. Karal E.Z. Türkiye Cumhuriyeti Tarihi (1918–1960). İstanbul: Maarif Basımevi, 1962.
9. Koçak C. Türkiye'de Milli Şef Dönemi (1938–1945). C. 1. İstanbul: İletişim, 2003. 726 s.
10. Olaylarla Türk Dış Politikası. C. 1 (1919–1973). Ankara, 1982.
11. Soysal İ. Tarihçeleri ve Açıklamaları ile Birlikte Türkiye'nin Siyasal Andlaşmaları. 1. cilt (1920–1945). Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1989.
12. Tamkoç M. The Warrior Diplomats. Guardians of the National Security and Modernization of Turkey. Salt Lake City: Univ. of Utah Press, 1976.
13. Türkiye Dış Politikasında 50 Yıl. İkinci Dünya Savaşı Yılları (1939–1946). Ankara: TC Dışişleri Bakanlığı, 1973.